

Черных Сергей Сергеевич, Никифоров Анатолий Александрович

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ФОКУСЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В статье рассматриваются процессы формирования гражданской идентичности российской молодежи сквозь призму проблем этнической и религиозной толерантности. Особое внимание авторы уделяют разработке дискурса доверия, способного обеспечить полноценный диалог культур в рамках гражданского общества. Подчеркивается, что дефицит толерантности на почве межэтнических и межконфессиональных разногласий в среде российской молодежи во многом обусловлен состоянием аномии, отсутствием в обществе полноценной органической солидарности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/11/35.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (101). С. 117-120. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

54. **Фирсов Н. А.** Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник. СПб., 1859. Кн. 1.
55. **Фирсов Н. А.** Очерки воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858.
56. **Хаймсон Л.** Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции. 1917 г. в России: массы, партии, власть. СПб., 1917.
57. **Чехов Н. В.** Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1915.
58. **Шишонко В. Н.** Материалы для описания народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879.
59. **Шишонко В. Н.** Описание начальных народных училищ в уездах: Екатеринбургском, Ирбитском, Шадринском и Камышловском, Екатеринбургского района Пермской губернии. Екатеринбург, 1878.
60. **Энциклопедический словарь** / изд Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. СПб., 1890. Т. 1.
61. **Юрьев В. П.** Вятская гимназия в первые свои 8 лет (1811-1819) // Календарь Вятской губернии на 1888 г. Вятка, 1887.

ISSUES OF URBAN PRIMARY AND SECONDARY EDUCATION IN THE URAL REGION IN PRE-REVOLUTIONARY RESEARCHERS' WORKS

Titskii Nikolai Andreevich, Ph. D. in History

Shatunova Lyubov' Vladimirovna

Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School № 4,

Laya rural settlement, Prigorodnyi district, Sverdlovsk region

Marina_tren@mail.ru; lyba_shatunova64@mail.ru

The article describes the problems of the history of urban education in the Ural region in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. The main research works of the capitalist period devoted to this issue are examined. The focus of the authors' attention is on the growth of primary and secondary education, as well as female and non-Russian education. By sufficiently extensive and diverse material the researchers show different aspects and details of educational activity in the Ural region during the period under review. The study reflects the works of authors different by occupation, age, gender, beliefs. They are teachers, civil servants, churchmen. Such integrated approach provides an objective vision of the stated problem.

Key words and phrases: post-reform Russia; modernization; national school; public education; classical schools; primary classical schools; provinces.

УДК 316.422.42:4.063.22

Социологические науки

В статье рассматриваются процессы формирования гражданской идентичности российской молодёжи сквозь призму проблем этнической и религиозной толерантности. Особое внимание авторы уделяют разработке дискурса доверия, способного обеспечить полноценный диалог культур в рамках гражданского общества. Подчеркивается, что дефицит толерантности на почве межэтнических и межконфессиональных разногласий в среде российской молодёжи во многом обусловлен состоянием анонимии, отсутствием в обществе полноценной органической солидарности.

Ключевые слова и фразы: гражданская идентичность; российская молодёжь; толерантность; культура доверия; органическая солидарность; этнический национализм; этническая и религиозная идентичность; этническая депривация.

Черных Сергей Сергеевич, к. филос. н.

Никифоров Анатолий Александрович

Южно-российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова
s.s.chernykh@mail.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ФОКУСЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ[©]

Современная российская молодёжь «захвачена» поиском идентичностей, способных обеспечить социализацию личности молодого человека в условиях общества неопределённости и риска. Согласно подходу В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, общество риска характеризуется процессами модернизации, которые, в свою очередь, базируются на инновациях во всех сферах общественной жизни, при этом вышеуказанные авторы делают марксистский акцент, прежде всего, на изменении производительных сил и производственных отношений [8, с. 194]. В данной связи вполне можно говорить о том, что формирование гражданской идентичности российской молодёжи последних лет протекало в условиях классового расслоения общества, характерного для капитализма. Интересно, что инновационная активность молодёжи интенсифицирует процессы модернизации ценой повышения рисков, угрожающих сохранению прежних идентичностей и одновременно

[©] Черных С. С., Никифоров А. А., 2015

способствующих их трансформации. Представители молодежи зачастую творчески подходят к выбору и конструированию собственной идентичности, притом что их инновационная активность в этой сфере может выступать в качестве стратегий *девиантного* поведения, отклоняющегося от прежних норм. Отсюда проистекает стремление довольно активной части неконформистской молодежи *радикализировать* традиционные для нашей страны этнические и религиозно-конфессиональные идентичности в их противопоставлении общероссийской гражданской идентичности и делению общества на классы.

Здесь речь может идти и об изменениях травматогенного характера, способных разрушать групповые идентичности, которые, согласно определению П. Штомпки, можно рассматривать в качестве главного источника *коллективной культурной травмы*. По мнению польского социолога, наиболее сложными являются травматические изменения, «когда травме подвергаются целые сообщества – этнические, национальные группы, регионы, цивилизации, даже глобально всё человечество, а сами травматические изменения могут быть названы *историческими*» [10, с. 477]. Причем важно учитывать, что повышение риска травматогенных изменений может проистекать из вполне полезных и даже жизненно необходимых общественных преобразований. Так, вполне позитивное с точки зрения реализации гражданской свободы возрождение на постсоветском пространстве религиозных институтов и усиление их влияния на общество, приведшее к повышению значимости конфессиональных идентичностей в структуре общественного сознания, также вернули к жизни ранее забытое межконфессиональное соперничество и проистекающие из него конфликты на религиозной почве. Другой пример из сферы глобальной модернизации – качественный рост возможностей коммуникации в мировом масштабе посредством сети Интернет, что, несомненно, является прогрессом человечества. В то же время этот технологический скачок стал использоваться террористами и при их посредничестве начал оказывать активное воздействие на формирование и распространение экстремистских идеологий, превратившись в один из инструментов сетевой радикализации и политизации религиозных идентичностей.

Таким образом, контекст реформирования всегда предполагает, что модернизация различных сфер общества зачастую может носить амбивалентный характер, то есть одновременно продуцировать как полезные, так и вредные социальные изменения. Поэтому интерес представляет гражданская идентичность российской молодежи, которую, на наш взгляд, продуктивно рассматривать сквозь призму проблем этнической и религиозной толерантности. По мнению Л. М. Дробижевой: «В стремлении к снижению актуализации этничности ряд российских ученых, и прежде всего В. А. Тишков, стали акцентировать идею дрейфа идентичности, в том числе и даже прежде всего, этнической идентичности и переключения внимания населения с этнической идентичности на осознание государственной – российской идентичности, подчеркивая значение этой общегосударственной идентичности и необходимость активных усилий по ее формированию» [2, с. 12]. Это значит, что формирование полноценной гражданской идентичности в среде молодых россиян должно включать в себя ослабление (толерантность) часто травматических и болезненных интенций восприятия собственной этнической и конфессиональной принадлежности. Речь в данной связи ни в коем случае не идет о тотальной деструкции этнической и конфессиональной идентичности молодежи, а именно лишь об отказе от её политизации, то есть от того, чтобы такие идентичности как «русский», «православный», «иудей», «мусульманин», «родновер» и т.д. не воспринимались их носителями как особого рода политические статусные позиции и ориентации, направленные на противостояние и борьбу.

В одной из своих статей М. Б. Хомяков справедливо отмечает, что: «Гражданская идентичность подразумевает определенное отношение граждан друг к другу, своего рода гражданскую дружбу, в основе которой лежит доверие. Именно доверие, таким образом, является моральным условием стабильности гражданского состояния и определяет наличие основных гражданских добродетелей» [7, с. 55]. Следовательно, именно доверие должно обеспечивать дружественность и благорасположение граждан по отношению друг к другу вне зависимости от этнических и конфессиональных различий. Согласно утверждению Э. Дюркгейма: «Для того, чтобы один народ стал доступен для проникновения другого, необходимо, чтобы он перестал замыкаться в патриотизме исключительности и усвоил себе другой, более широкий патриотизм» [3, с. 288]. При этом необходимо учитывать исторические связи, сложившиеся, например, между религией и экономикой [1]. По сути, речь здесь идет о том, что гражданская идентичность становится доминирующей в таких обществах, где между людьми, согласно классификации Э. Дюркгейма, утвердилась *органическая солидарность*. Напротив, в обществах, в которых наблюдается дефицит органической солидарности, люди вынуждены преодолевать состояние *аномии* (анархию ценностей, отсутствие между членами общества доверия к институтам и друг другу) посредством *механической солидаризации* (консолидации) своих членов главным образом на почве «кровного» родства или братства по вере [3].

Комплексные исследования настроений, ожиданий и ценностей российской молодежи, проведенные Ф. Э. Шереги, свидетельствуют, что: «Затруднение с гражданской идентификацией характерно, прежде всего, для молодых этнических русских, половина (52%) среди которых идентифицируют себя со статусом гражданина Российской Федерации, а вторая половина (48%) – с этносом, то есть просто считают себя русскими» [9, с. 17]. Можно предположить, что вопросы перед молодыми людьми ставились как однозначные по принципу «или – или», а полученный результат свидетельствует в пользу того, что для молодых русских этничность по-прежнему является важным фактором идентификации. Более того, существует тенденция к усилению этнической идентичности в среде именно русской молодежи, что может быть связано с последствиями коллективной культурной травмы и этнической депривации, вызванной переживанием неудовлетворенности правовым статусом собственного народа. Так, например, А. В. Сериков защищает мнение о том,

что: «Актуализация русской этничности, этноаффилиативных тенденций происходит под влиянием недооценки “русского фактора” федеральными властями (отсутствие упоминания русского народа в нормативно-правовых актах и до последних выборов Президента РФ игнорирование самих собственно русских проблем и т.п.) и конфликтов социальных и межэтнических с участием русских» [6, с. 36]. В данной связи можно вполне говорить об актуализации русского этнического национализма, с одной стороны, явлении маргинальном в политическом плане, но с другой, охватывающем значительную часть активных молодых русских, испытывающих чувство дискомфорта по этническому признаку.

Интересно, на наш взгляд, также поставить следующий вопрос: как «этническая депривация» русской молодёжи изменилась в связи с присоединением Крыма и «войной на Донбассе»? Ведь не секрет, что вышеперечисленные события проходили под маркой признания и легитимизации желаний русских националистов, а именно решительной защиты этнических русских в соседней стране. При этом явное место имела попытка переключения (насколько успешная – другой вопрос) интенций активной части русских молодых этнофоров с внутренних аспектов конструирования собственной идентичности на внешние проблемы. Здесь будет уместным вспомнить рассуждения классика социологии Л. Козера о том, как происходит типичное «снятие напряжения» путем переключения с одной проблемной ситуации на другую. Л. Козер ставил акцент на том, что если «конфликт очищает воздух, то институты, которые служат снятию напряжений, канализации враждебных чувств, оставляя неизменными структуры отношений, могут функционировать как громоотводы, но не в состоянии предотвратить периодическое сгущение туч, т.е. новое накопление напряженности» [4, с. 70]. Вышеприведенные выводы, сделанные Л. Козером в отношении канализации враждебных чувств, вполне применимы к рассматриваемой нами ситуации. Следовательно, «конфликт на Донбассе», несомненно, явился каналом выхода вовне негативных чувств части русских этнофоров (участие в так называемом проекте «русская весна»), то есть был преобразован в эффективное средство снятия напряжения. Притом что в самом начале «украинских событий» в среде русских националистов также имел место явный раскол. Более того, в начале «конфликта на Донбассе» и особенно во время присоединения Крыма многие русские националисты стали во многом солидаризироваться с позицией российской власти по данному вопросу. Однако в дальнейшем может наблюдаться новое «сгущение туч», «накопление напряженности» и переключение уже на внутренние аспекты так называемого «русского вопроса».

Анализируя причины противопоставления русской молодёжью своей этнической идентичности общероссийской гражданской идентичности, Ф. Э. Шереги справедливо усматривает одну из причин данного явления в политической детерриторизации регионов с преобладающим русским населением. Именно поэтому в его исследовании сделан следующий акцент: «Для русской молодёжи проблема видимо в том, что для них затруднена этнотерриториальная идентификация: Россия – многонациональная федерация, но собственно “русской республики” нет» [9, с. 18]. В сознании молодёжи происходит несовпадение имён, поскольку русская республика отсутствует, Россия – не Русь, а российский – не значит русский. Области и края с доминирующим русским этническим компонентом в рамках федерации, в отличие, например, от входящих в состав России «этноцентричных» республик, испытывают дефицит символического капитала, политического признания особой роли русской этнической культуры. Поэтому в этих регионах России наблюдается недовольство русских этнофоров реально сложившейся исторической ситуацией, причем можно предположить, что оно наиболее остро переживается в краях и областях, непосредственно граничащих или находящихся вблизи от «этноцентричных» республик. Отсюда во многом проистекают мечты ряда молодых русских националистов о хотя бы одной «русской» республике или о сообществе таких республик в составе России. С другой стороны, подобное внимание части русской молодёжи к собственной этничности может рассматриваться в качестве «защитной реакции от возможного этнического растворения в понятии “россиянин”, наподобие того, как по критерию гражданской идентификации в СССР представители всех этносов были растворены в понятии “советский”» [Там же, с. 20]. Вышеописанная ситуация также свидетельствует в пользу того факта, что многие молодые люди не удовлетворены сложившимся в стране политическим и правовым порядком и в меньшей степени доверяют государственным органам власти, не надеясь на их реальную помощь в решении конфликтов, возникающих на почве этнокультурных и межконфессиональных противоречий.

К проблемам конфронтации между этнической и гражданской идентичностями в среде российской молодёжи тесно примыкают проблемы, связанные с дефицитом в обществе доверия и религиозной толерантности. Более того, различные, часто балансирующие на грани экстремизма, религиозные идеологии напрямую подпитывают порой радикальные формы этнического национализма и сепаратизма. Так, например, не секрет, что сепаратистские и националистические тенденции молодёжи, главным образом Северного Кавказа, подпитываются идеями радикального исламизма. Во многом аналогичную «функцию» для русской националистической молодёжи выполняет «неоязычество». Притом что ряд российских социологов в то же время отмечают, что: «Неоязычество – это одна из защитных реакций современного общества, оторванного от природы и родовых корней технократической цивилизацией» [5, с. 479]. Поэтому для молодых русских «родноверов» в большей степени, чем, например, для православных, актуальны экологические ценности, которые обосновываются их адептами сквозь призму своеобразной тринитарной «теологии» рода, проявляющегося в трёх «ипостасях»: «Природы», «Народа», «Родины».

Важным индикатором религиозной толерантности российской молодёжи, который может также рассматриваться одновременно и как критерий их полноценной гражданской идентичности, является отношение к браку с представителем другой конфессии. Ведь не случайно гражданский брак, *признанный* государством,

есть брак, заключаемый между гражданами, способными преодолеть собственные конфессиональные отличия. В целом по стране: «Не возражают против такого брака 54% (17,1 млн) молодёжи, возражают – 27% (8,5 млн чел.), не имеют по этому вопросу однозначной позиции – 19%» [9, с. 46]. Поэтому вполне можно говорить о социальном парадоксе, который выражается в том, что новое поколение молодёжи, сформировавшееся в условиях религиозной свободы постсоветской России, в значительной степени восприняло паттерны конфессиональной замкнутости. В данной связи Ф. Э. Шереги справедливо фиксирует рост тенденций религиозного взаимного отчуждения граждан одного государства в среде молодёжи. При этом что между религиозным отчуждением молодёжи и взаимным недоверием на этнической почве прослеживается отчетливая связь. «Не случайно среди молодёжи, относящейся отрицательно к межнациональным бракам, доля противников межконфессиональных браков составляет 85%, а среди допускающих межнациональные браки – 11,5%» [Там же, с. 47]. Вышеизложенные социальные факты не в последнюю очередь объясняются тем, что многие конфессии в России исторически укоренены в специфической этнической среде.

В целом можно сделать вывод, что этноцентрические и связанные с ними религиозные идентичности во многом противостоят формированию общероссийской гражданской идентичности молодёжи. Дефицит толерантности и кризис доверия на почве этнической и конфессиональной принадлежности граждан во многом обусловлены состоянием аномии, отсутствием в обществе полноценной органической солидарности. Паттерны молодёжи не являются в этой связи исключением, напротив, большинство конфликтов, как и синдром недоверия на почве этнических и конфессиональных разногласий, возникают именно в молодёжной среде. Причины напряженности, ведущей к конфликтам, детерминированы следующими факторами: 1) спецификой психического развития молодёжи, экстремальностью ее сознания, которая приводит к юношескому максимализму, порождающему стремление молодых людей действовать прямо («в лоб») в решении наследственных проблем человеческой культуры; 2) особенностями социального статуса молодёжи, которые находятся в прямой зависимости от интеграции молодых людей в процессы общественного разделения труда. В последнем случае необходимо учитывать тот факт, что молодёжь в силу большей транзитивности трудового статуса и в целом заведомо меньших возможностей достичь в раннем возрасте профессионального признания подвержена риску экстремистского восприятия собственных этнических и конфессиональных идентичностей, а также их осознанному противопоставлению общероссийской гражданской идентичности. Ведь, согласно дюркгеймовскому подходу, достижение обществом состояния *органической солидарности* зависит от того, насколько успешно его члены будут взаимодействовать между собой в системе экономической кооперации, которая должна выстраиваться на основах институционализованного правового и культурного доверия, подкрепляться взаимным признанием профессиональных заслуг, достижений и компетенций друг друга.

Список литературы

1. **Воденко К. В., Тихоновская С. А.** Социально-экономические институты и христианство: особенности взаимоотношений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2014. № 1. С. 167-177.
2. **Дробижеева Л. М.** Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. 327 с.
3. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. **Козер Л.** Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
5. **Российская молодёжь: проблемы и решения.** М.: Центр социального прогнозирования, 2005. 648 с.
6. **Сериков А. В.** Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3. С. 35-39.
7. **Хомяков М. Б.** Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. 327 с.
8. **Чупров В. И., Зубок Ю. А.** Социология молодёжи: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 336 с.
9. **Шереги Ф. Э.** Российская молодёжь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 93 с.
10. **Штомпка П.** Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2010. 664 с.

CIVIL IDENTITY OF THE RUSSIAN YOUTH IN THE FOCUS OF ETHNIC AND RELIGIOUS TOLERANCE

Chernykh Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philosophy

Nikiforov Anatolii Aleksandrovich

South-Russian State Polytechnic University (Novocherkassk Polytechnic Institute) named after M. I. Platov
s.s.chernykh@mail.ru

The article examines the processes of the formation of the civil identity of the Russian youth through the lenses of the problems of ethnic and religious tolerance. Particular attention is paid to the development of the discourse of trust capable of providing a full-fledged cultural dialogue within the framework of civil society. It is emphasized that the lack of tolerance owing to inter-ethnic and inter-confessional differences among the Russian youth is largely stipulated by the state of anomie, the lack of full-fledged organic solidarity in the society.

Key words and phrases: civil identity; the Russian youth; tolerance; culture of trust; organic solidarity; ethnic nationalism; ethnic and religious identity; ethnic deprivation.